

Депутатъ отъ Россіи.

Воспоминанія и переписка Ольги Алексѣевны Новиковой.

Глава XIX ¹⁾.

Традиціонная политика Россіи.

(Окончаніе).

Традиціонная политика Россіи это ея союзъ съ Англіей. За долго до татарскаго ига ея царствующій Князь Владиміръ Мономахъ женился на Гидѣ, дочери Гарольда павшаго въ битвѣ при Сенлакѣ.

Нашествіе татаръ, длившееся около трехъ сотъ лѣтъ, пріостановило международныя отношенія, а послѣ освобожденія отъ татарскаго ига Іоаннъ Грозный отправилъ пословъ къ англійской королевѣ Елизаветѣ съ предложеніемъ союза и какъ говорили, предлагалъ ей даже вступить съ нимъ въ бракъ. Та предпочла, однако, свое безбрачіе этому предложенію, и переговоры круто прервались. Съ тѣхъ поръ о брачныхъ союзахъ не было рѣчи до вступленія на тронъ королевы Викторіи. Интересно, что первая рѣчь королевы по вступленіи на тронъ и внушенная руссофобомъ Дизраэли была слѣдующая: „Мои отношенія очень хороши со всѣми державами. Бракъ моего сына Генриха Эдинбургскаго съ дочерью Императора Россійскаго Маріей Александровной — счастливое событіе для меня лично и залогъ дружбы между двумя великими державами“.

Несмотря на это, время царствованія королевы Викторіи отличалось безконечными легендами, враждебностью и клевет-

¹⁾ См. „Русская Старина“, май 1915 г.

той на Россію. Къ числу такихъ изобрѣтеній было такъ называемое „завѣщаніе Петра Великаго“, написанное около ста лѣтъ послѣ его смерти изобрѣтательнымъ французомъ Люзеръ. Цѣль этого страннаго документа была—приписать Россіи всевозможные злостные умыслы. Какъ бы по ошибкѣ, въ этомъ ложномъ завѣщаніи указывается и на одинъ правдивый пунктъ, говорящій о пользѣ для Россіи торговыхъ сношеній съ Англіей. Русскіе Императоры признавали всегда, что Россія и Англія естественные союзники, хотя обстоятельства, благодаря англійской политикѣ, дѣлали ихъ временно врагами. До Крымской войны Императоръ Николай I-й, какъ извѣстно, былъ даже расположенъ къ дружбѣ съ Великобританіей. Въ разговорѣ его съ сэромъ Гамильтономъ Сеймуромъ выразилось это чувство ясно.

Въ январѣ 1853 года, касаясь паденія Турціи, Императоръ снова высказывался въ этомъ же смыслѣ.

Вотъ, что говоритъ Кинглекъ по этому поводу: „Императоръ Николай всегда руководился этимъ правиломъ и, вѣроятно, даже наканунѣ объявленія войны 1853 года въ самыя озлобленныя минуты, все же старался его придерживаться“.

Что же касается отношеній Россіи передъ войной 1876—1877 гг. самые ярые наши критики утверждаютъ, что больше того, что сдѣлалъ русскій Государь, чтобъ заручиться содѣйствіемъ Англіи, сдѣлать было невозможно. Депеша изъ Ливадіи была лучшимъ доказательствомъ такихъ попытокъ, на которыя англійское правительство отвѣчало холодно и недовѣрчиво. На это указываютъ многіе англійскіе писатели.

„Въ нашихъ дружественныхъ попыткахъ мы только придерживаемся нашей старины“, говоритъ г-жа Новикова. „Въ началѣ XVII вѣка Борисъ Годуновъ отправилъ посла въ Лондонъ съ предложеніемъ Англіи соединиться съ Россіей и съ другими христіанскими государствами, чтобъ освободить восточныхъ христіанъ отъ турецкаго ига“.

„Въ XVIII столѣтіи оба государства бывали часто въ союзѣ, какъ въ мирное, такъ и въ военное время. Въ одномъ случаѣ русскіе солдаты стояли гарнизономъ на англійскихъ островахъ, въ другомъ русскіе корабли чинились въ англійскихъ докахъ. Англійскіе адмиралы командовали русскими военными судами, въ то время, какъ русскіе и англійскіе солдаты сражались плечо къ плечу, какъ вѣрные союзники, противъ сильнаго врага. Государственные люди обѣихъ странъ признавали важность англо-русскаго соглашенія. Нашъ министръ Цанинъ въ 1766 году сообщалъ послу, лорду Чатамъ, что онъ имѣеть

сильное желаніе войти въ искреннюю дружбу съ Англіей, будучи убѣжденъ, что только при участіи Англіи его политика будетъ тверда и успѣшна на Востокъ.

Князь Потемкинъ утверждалъ, что союзъ Россіи съ Англіей необходимъ для мира. Это убѣжденіе еще укрѣпилось въ исторіи послѣдняго столѣтія. Князь Воронцовъ, посолъ нашъ при Сентъ-Джемскомъ дворѣ, былъ ярый защитникъ англо-русскаго соглашенія; и его убѣжденія раздѣлялъ покойный канцлеръ князь Горчаковъ.

Самые извѣстные государственные люди Англіи, наравнѣ съ графомъ Панинымъ и Потемкинымъ, придавали большое значеніе союзу нашихъ двухъ странъ. Лордъ Чатамъ не побоялся себя объявить не только ярымъ поклонникомъ Россіи, но даже заявилъ, что онъ „русскій человекъ“.

Извѣстные министры: Фоксъ, Боркъ и даже Питтъ и Канингъ, равно какъ и другіе дѣятели, или заключали дружескіе договоры съ Россіей, или выражали свое величайшее сочувствіе англо-русскому союзу. Не прошло еще ста лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ былъ обычай въ парламентѣ не иначе говорить о Россіи, какъ о естественной, старинной, традиціонной союзницѣ Англіи.

„Въ великомъ Европейскомъ кризисѣ Англія и Россія были первыми противниками Наполеона. Ихъ соединеннымъ силамъ Европа обязана избавленіемъ своимъ отъ завоевателя.

„Вы теперь заняли Критъ, сильный военный пунктъ, говоритъ г-жа Новикова, чтобъ угрожать Россіи, но прежде ваше занятіе Іонійскихъ острововъ, на Средиземномъ морѣ, было сдѣлано, по совѣту вашего русскаго союзника. Не всегда вы боялись владѣній Россіи на Средиземномъ морѣ, такъ какъ Англія даже настаивала, чтобъ русскій флотъ вошелъ въ это море и начались переговоры объ уступкѣ намъ морской базы на островѣ Миноркъ, принадлежавшемъ въ то время Англіи“.

„Не вѣрное ли доказательство пользы соглашенія съ Россіей тотъ фактъ, что два раза, когда англійское правительство грозило Россіи войной (1791 и 1876 г.), сильный протестъ англійскаго народа не допустилъ этой бѣды? Національный инстинктъ оказался вѣрнѣе государственной мудрости правителей; оба раза англичане достигли невозможнаго, даже въ конституціонной странѣ: они удержали премьеръ-министра отъ войны, которую онъ желалъ. Мы благодарны за сочувствіе и дружеское отношеніе англійскаго народа къ Россіи, продолжаетъ О. А., но все же жалѣемъ, что для такого результата

потребовалось чуть ли не революціонное движеніе противъ нашего министерства“.

„Когда Екатерина II узнала объ услугѣ человечеству, оказанной Фоксомъ, который не допустилъ Пятта объявить войну Россіи изъ-за Очакова, она помѣстила бюстъ его между Цицерономъ и Демосееномъ, говоря: „своимъ краснорѣчіемъ онъ спасъ Россію и свою родину отъ войны, для которой не было ни справедливаго, ни благоразумнаго основанія“.

Фоксъ высказалъ въ парламентѣ, что онъ польщенъ этимъ вниманіемъ Императрицы, прибавивъ: „Мое мнѣніе было всегда, что Россія—государство, съ которымъ поддерживать самыя тѣсныя и дружескія отношенія, торговыя и политическія, весьма важно для нашей страны“. Эти слова слѣдуетъ помнить!

„Когда русскіе выражали благодарность Фоксу, краснорѣчіе котораго избавило оба государства отъ бессмысленной войны, его называли русскимъ агентомъ и измѣнникомъ, что, конечно, не могло возбуждать добрыхъ чувствъ въ обѣихъ странахъ“.

Англичане убѣдятся, что ихъ предубѣжденіе противъ Россіи не въ ихъ интересахъ. Если десять лѣтъ тому назадъ одинъ англійскій авторъ сказалъ: „Россія—нашъ самый естественный, самый полезный союзникъ; насъ связываетъ столько общихъ интересовъ, что здравая политика предписываетъ намъ этотъ союзъ и сотрудничество съ ней. Если тогда это было вѣрно, насколько же это вѣрнѣе теперь, когда мы раздѣлили почти всю Азію между собой“.

„Лордъ Пальмерстонъ, какъ только кончилась Крымская война, сказалъ нашему посланнику, графу Хрептовичу, что Англійи нѣтъ причинъ не дѣйствовать, во многихъ случаяхъ, заодно съ Россіей, лишь бы онѣ не приходили въ столкнове- ніе по поводу Турціи, или Персіи.

Русскимъ кажется наоборотъ, что совмѣстная дѣятельность Англійи и Россіи сходится именно въ этихъ двухъ странахъ. Вспомнимъ ходъ исторіи: когда лордъ Чатамъ настаивалъ на союзѣ съ нами, мы настаивали на необходимости дѣйствовать вмѣстѣ противъ Турціи. Чатамъ въ этомъ условіи отказалъ, но Питтъ его принялъ въ 1795 году. Только черезъ четыре года, когда онъ намъ грозилъ войной, заключенъ былъ договоръ, въ который входилъ принципъ обоюдной дѣятельности на Востокѣ. Россія не переставала объ этомъ заботиться. Даже въ XIX столѣтіи Россія и Англійа чаще были друзьями, чѣмъ врагами. Во время Наполеоновскихъ войнъ, англійскій флотъ грозилъ Константинополю, потому что Турки объявили

войну Россіи, а въ 1877 г. мы, совмѣстно съ Англіей, праздновали юбилей Наваринскаго боя. Къ сожалѣнію, мы также въ союзѣ съ Англіей поддерживали султана. Когда Махметъ-Али грозилъ разрушить Оттоманскую имперію, русскія войска заняли Константинополь, а англійскій флотъ крейсировалъ у береговъ Сиріи.

Лордъ Джонъ Россель, до послѣдней минуты объявленія войны Россіи Англіей, основательно увѣрялъ свое правительство въ добрыхъ чувствахъ Императора Николая къ Великобританіи.

Со времени Парижскаго мирнаго договора, 1856 года, Россія не воевала съ Англіей, а часто энергично поддерживала ея политику.

На Константинопольской конференціи гр. Игнатьевъ отказался отъ своего проекта реформъ, чтобъ поддержать проектъ лорда Сольсбери, а когда конференція не удалась, Россія употребила всѣ дипломатическія мѣры, чтобъ сохранить согласіе съ Англіей, прежде чѣмъ объявить войну.

„Только убѣдившись, что соглашеніе съ Англіей проявляется въ полномъ бездѣйствіи, оставляя славянъ въ рабствѣ и зло не наказаннымъ, Россія стала дѣйствовать одна. Но она все время относилась съ большимъ вниманіемъ къ интересамъ Англіи, освѣдомляясь о нихъ у лорда Дерби.

Впослѣдствіи Россія привела борьбу къ успѣшному окончанію, не коснувшись ни одного пункта, намѣченнаго англійскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Россія ей послала свои условія мира и проектъ Санъ-Стефанскаго договора.

На Берлинскомъ конгрессѣ Россія отказалась отъ всѣхъ своихъ требованій, чтобъ не разрушить Европейскаго концерта.

„Какъ Англія отблагодарила за это, я не буду говорить, но Россія дальше идти въ своихъ уступкахъ не могла, боясь всеѣмъ погубить интересы славянъ.

„Россія, по-моему, уступила черезчуръ много“, говоритъ г-жа Новикова.

„Мечты, страстныя желанія русскаго народа, принесены были въ жертву дружбѣ съ Англіей. Еще шагъ, и это была бы измѣна нашимъ братьямъ, измѣна нашему долгу. Такой цѣной нельзя платить, нѣтъ, даже за союзъ съ Англіей“.

Нѣкоторые изъ нашихъ официальныхъ лицъ, удаленные ложнымъ воспитаніемъ отъ своей родины, не терпѣли даже имени славянъ. и въ этомъ—несомнѣнная бѣда.

Русскіе знаютъ, что все великое достигается жертвами. Никакая сила въ мірѣ не можетъ остановить естественнаго хода событій. Для насъ, Славянофиловъ, будущее славянскаго міра такъ же ясно, какъ долгъ чести, которому мы должны слѣдовать.

Слѣдуетъ добиваться добраго согласія Россіи съ Англіей, основаннаго на мирномъ, на дѣйствительномъ, уничтоженіи турецкой власти въ Европѣ. Только на такомъ основаніи возможно настоящее соглашеніе.

Нашъ союзъ съ Англіей, сотрудничая въ просвѣщеніи Азіи, обезпечивалъ бы миръ и на Дальнемъ Востокѣ, заключаетъ она.

Въ этомъ же смыслѣ высказался и ея краснорѣчивый другъ, историкъ Фрудъ, смѣло стоявшій за Англо-Русскій союзъ съ отдаленнаго времени Крымской войны онъ доказывалъ это въ своемъ прекрасномъ сочиненіи: „Краткія изслѣдованія великихъ вопросовъ“.

Чтобъ обезпечить миръ въ Азіи, мы должны быть искренними друзьями и дѣйствовать сообща каждый въ своей сферѣ.

Отъ настойчивой враждебности и подозрительности, потери для Россіи не будутъ такъ велики, какъ для Англіи. Что же касается Индіи, то опасенія англичанъ совершенно не основательны.

Но если посѣщеніе русскаго посольства въ Кабулѣ вызываетъ тревогу и даже желаніе изъ-за этого воевать съ Россіей, то какъ ожидать мирный прогрессъ и цивилизацію на Востокѣ?

Лордъ Непиръ-Этрикъ, послѣ того, какъ оставилъ постъ англійскаго посла въ Петербургѣ, считался почему-то нѣкоторыми врагомъ Россіи.

Тѣмъ не менѣе вотъ что онъ сказалъ откровенно въ парламентѣ, 9-го декабря, 1878 г. касаясь миссіи въ Кабулѣ: „Россія, съ полной осторожностью, сдѣлала шагъ впередъ въ симпатіи народной.“

Съ такой страной слѣдовало бы примѣнять разумныя мѣры, чтобъ пріобрѣсти ея дружбу, если не союзъ. Лучшія средства для этого со стороны англійскаго правительства были бы ясность и откровенность, чтобъ Россія не имѣла никакихъ сомнѣній о нашихъ намѣреніяхъ относительно Афганистана“.

Онъ думалъ, что послѣ войны нуженъ былъ опредѣленный договоръ между Англіей и Россіей, такъ какъ это внесло бы успокоеніе даже въ Индіи.

„Интересы и стремленія наши тождественны, почему же не можемъ мы обратиться къ старой Русской политикѣ и стать вѣрными союзниками, добрыми друзьями? Не только въ Азіи

обѣ націи имѣютъ общій интересъ, но и въ Европѣ, гдѣ мы противодѣйствуемъ Римскому папѣ въ его безнравственныхъ злоупотребленіяхъ. И такъ, идя рука объ руку, противъ магометанскаго варварства въ Азіи и противъ духовнаго деспотизма въ Европѣ, не пора ли намъ признать единство нашихъ задачъ и честно поддерживать другъ друга противъ общаго врага?—заключаетъ лордъ Непиръ.

Но вотъ, что еще говоритъ Фрудъ: „Русскіе, хотя наши соперники на востокѣ, были до Крымской войны нашими вѣрными союзниками. И съ тѣхъ поръ не было причинъ Англійскимъ кабинетамъ жаловаться на существованіе Россіи въ Европѣ.

Не такъ давно правительство Биконсфильда вошло съ соглашеніемъ съ Россіей, чтобъ восприпятствовать войнѣ Франціи съ Германіей, и я думаю, что тотъ же Биконсфильдъ указывалъ на Англо-Русскій союзъ, чтобъ помѣшать походу Наполеона на Берлинъ.

Мы солидарны также въ человѣколюбивой борьбѣ противъ рабства и торговли невольниками“.

Г-жа Новикова говоритъ: „Вы гордитесь основательно уничтоженіемъ рабства въ вашихъ колоніяхъ. Мы гордимся освобожденіемъ 48 милліоновъ нашихъ крѣпостныхъ. Этимъ великимъ дѣломъ Императоръ Александръ II вызвалъ себѣ всемірную благодарность и гордость всего своего народа.

За послѣднія сто лѣтъ Россія отстаивала свободу какъ въ Европѣ, такъ и въ Азіи. Съ покореніемъ Крыма прекратился торгъ русскими и польскими невольницами, которыхъ мусульмане продавали, какъ скоть.

Первое, что мы сдѣлали, войдя въ хиву, было освобожденіе всѣхъ рабовъ въ ханствѣ.

Но къ чему вдаваться въ подробности?

Русскіе и англичане идутъ рука объ руку по пути цивилизаціи.

Одинъ изъ моихъ друзей, очень умный человѣкъ, имѣвшій исключительный случай изучить англійскую и русскую политику, пишетъ мнѣ: Народная агитація въ Англии противъ Россіи не только не справедлива, но и безумна. Сказать по правдѣ, я иногда краснѣю за грубый и слѣпой эгоизмъ моихъ соотечественниковъ. Если нужна война, будемъ драться, но уважая другъ друга. Впрочемъ, я, какъ и вы, не вижу ни малѣйшей надобности драться. Было бы безуміе со стороны англичанъ начать войну, чтобъ поставить на ноги больного человѣка, а со

стороны Россіи объявить войну, чтобъ ускорить неизбѣжную смерть своего пациента, было бы тоже крайне неблагоприятно.

Почему бы не быть соглашенію между нами на этотъ счетъ? Конечно, мы можемъ нанести много вреда другъ другу, но не лучше ли совмѣстно работать, служа человечеству и цивилизаціи? Рѣшайте сами: быть намъ врагами, или друзьями?—въ сотый разъ спрашиваетъ г-жа Новикова.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ

„Конецъ вѣнчаетъ дѣло“.

(„Finis coronat opus“).

„Въ предыдущихъ главахъ, говоритъ Стэдъ, я старался описать дипломатическую и политическую дѣятельность дамы, которую лордъ Биконсфилдъ назвалъ депутатомъ отъ Россіи“.

Весьма кстати появленіе этихъ воспоминаній, послѣ состоявшаго свиданіе монарховъ Британской и Россійской имперій въ Ревелѣ. Это свиданіе оповѣстило міру исполненіе великой задачи, надъ которой такъ усердно работала Ольга Алексѣевна. До подписанія Англо-Русскаго соглашенія изданіе этихъ воспоминаній было бы преждевременно.

27 (9 іюня) мая 1908 года¹⁾ Императоръ Россійскій и король англійскій обѣдали въ семейномъ кругу на царской яхтѣ „Штандартъ“ въ Ревелѣ. Въ двухъ короткихъ рѣчахъ державные ораторы объявили во всеуслышаніе, что отнынѣ Англія и Россія—друзья, а не враги. Императоръ сказалъ:

„Съ чувствомъ самаго глубокаго удовлетворенія и удовольствія привѣтствую Ваше Величество и ее Величество Королеву въ русскихъ водахъ.“

„Я убѣжденъ, что это свиданіе, являясь новымъ подтвержденіемъ многочисленныхъ и прочныхъ узъ, соединяющихъ оба Наши Дома, будетъ имѣть счастливымъ послѣдствіемъ еще болѣе тѣсное сближеніе обѣихъ нашихъ Странъ и споспѣшествованіе поддержанію всеобщаго мира.“

„Въ теченіе минувшаго года нашими Правительствами было улажено, къ общему удовлетворенію, нѣсколько вопросовъ, одинаково важныхъ для Россіи и для Англіи. Я увѣренъ, что

¹⁾ „Правительственный Вѣстникъ“ № 116. Четвергъ 29 (11) іюня 1908.

Ваше Величество цѣните столь же высоко, какъ и я, значеніе этихъ соглашеній, ибо несмотря на ограниченную ихъ область, они не могутъ не содѣйствовать распространенію среди Нашихъ двухъ Странъ чувствъ взаимнаго доброжелательства и довѣрія.

„Пью за здоровье Вашего Величества, Ея Величества Королевы и за процвѣтаніе Королевской Фамиліи и британскаго народа“.

Англійскій король Эдуардъ отвѣтилъ слѣдующей рѣчью: „Сердечнѣйшимъ образомъ благодарю Ваше Величество отъ имени Королевы и Своего за радушный приѣмъ, оказанный Намъ въ балтійскихъ водахъ, и за дружественныя слова, въ которыхъ Вы предложили Наше здоровье. Я сохраняю самое счастливое воспоминаніе о приѣмѣ, который Я встрѣчалъ во время Моихъ прежнихъ посѣщеній Россіи со стороны Вашего славнаго Дѣда, Вашего любимаго Отца и Васъ Самихъ, и настоящій случай новой встрѣчи съ Вашими Императорскими Величествами является для Меня источникомъ искреннѣйшаго удовольствія.“

„Я сердечнѣйшимъ образомъ присоединяюсь къ каждому слову, которое упало съ устъ Вашего Величества относительно соглашенія, недавно заключеннаго между Нашими двумя Правительствами. Я думаю, что оно послужитъ къ еще большому укрѣпленію узъ, связующихъ народы Нашихъ двухъ Странъ, и Я увѣренъ, что оно поведетъ къ успѣшному и дружественному разрѣшенію нѣкоторыхъ важныхъ вопросовъ въ будущемъ. Я убѣжденъ, что оно не только еще тѣснѣе сблизитъ Наши двѣ Страны, но будетъ также содѣйствовать въ значительной степени поддержанію всеобщаго мира. Я надѣюсь, что за этимъ свиданіемъ въ скоромъ времени послѣдуетъ другой случай встрѣчи съ Вашими Императорскими Величествами.“

„Я пью за здоровье Вашихъ Императорскихъ Велиществъ, Императрицы Маріи Ѳеодоровны и членовъ Императорской семьи и особенно за благоденствіе и счастье Вашей Великой Имперіи“.

За нѣсколько часовъ до этого, дѣйствительность соглашенія была подтверждена королемъ Эдуардомъ назначеніемъ Императора Николая II-го адмираломъ англійскаго флота. Ничто не могло быть проще, естественнѣе и знаменательнѣе. Завтракъ кончался. Взявъ листикъ изъ своей записной книжки, король Эдуардъ написалъ нѣсколько словъ и передалъ ихъ черезъ столъ Государю. Прочитавъ ихъ, Императоръ былъ видимо доволенъ и благодарилъ короля. На бумажкѣ было написано: „Назначаю васъ адмираломъ англійскаго флота“.

Тотчасъ послѣ завтрака, Государь, въ сопровожденіи графа Гейдена и адмирала Нилова, посѣтилъ „Мониторъ“, который встрѣтилъ Его Величество адмиральскимъ салютомъ. Адмиральскій флагъ взвился. Государь принялъ почетный караулъ и разговаривалъ съ капитаномъ и офицерами. Послѣ этого все-народнаго, хотя неформальнаго доказательства англо-русскаго соглашенія, можно прослѣдить его исторію съ колеблющихся началъ 1876 года до торжественнаго заключенію 1908 года.

Г-жа Новикова никогда себѣ не присваивала того, что несомнѣнно было сдѣлано ею въ этомъ вопросѣ. Ея роль и вліяніе подтверждаются сотнями фактовъ, ни одному человѣку не суждено было такъ безпрестанно работать въ обѣихъ странахъ для достиженія англо-русскаго соглашенія, какъ ей. Посланики, какъ Сталь и сэръ Робертъ Моріе, стремились къ тому же годами въ Лондонѣ и Петербургѣ. Три русскихъ Императора послѣдовательно желали лучшихъ отношеній съ этой страной. Государственные люди, какъ Гирсъ и Гладстонъ, дѣлали все, зависящее отъ нихъ. Но для нихъ улучшеніе отношеній между Англійей и Россіей было одно изъ многочисленныхъ дѣлъ занятой жизни. Никому изъ нихъ не удалось видѣть осуществленія ихъ идеала. Г-жа Новикова была счастливѣе; ея положеніе исключительное. И я счастливъ, что имѣю случай воздать дань, хотя поздно „одной изъ самыхъ замѣчательныхъ личностей нашего времени“.

Тридцать два года тому назадъ ничто не могло казаться невозможнѣе сближенія Англійи и Россіи. Г-жа Новикова была вовлечена въ это безнадежное дѣло, вслѣдствіе большого горя. Геройская смерть ея брата Николая Кирѣева, происшедшая изъ-за вражды между Англійей и Россіей грозила усилить эту вражду. Съ одной стороны она мгновенно вызвала движеніе добровольцевъ, но это великодушное движеніе со стороны русскихъ развивало въ Англійи лишь подозрительность и недовѣріе. Ольга Алексѣевна безустали объясняла народнымъ массамъ Англійи настоящее, внутреннее побужденіе добровольцевъ. Какъ сестра перваго убитаго борца за свободу славянъ, она могла говорить съ авторитетомъ, тѣмъ болѣе, что симпатіи, внушаемыя къ ней лично, придавали вѣсъ ея слову.

„Вражда Англійи къ Россіи причинила смерть моего брата“, не разъ говорила она всѣмъ и каждому. Съ теченіемъ лѣтъ все глубже и глубже это убѣжденіе усиливало ее дѣятельность. Въ Лондонѣ и въ Москвѣ, въ англійскихъ журналахъ и русскихъ газетахъ, въ обществѣ и внѣ его, Ольга Алексѣевна твердо,

хотя часто нетерпѣливо, преслѣдовала свою мысль. Три раза въ эти тридцать лѣтъ Россія и Англія было наканунѣ войны, и каждый разъ г-жа Новикова такъ, или иначе, становилась между враждующими, заклиная ихъ о мирѣ. Когда же отношенія не были такъ натянуты, но все-же политика уколовъ преслѣдовалась, она также усердно успокаивала раздраженныхъ, устраняла недоразумѣнія и возстановляла добрыя отношенія, Ольга Алексѣевна иногда сердилась своей несдержанностью тѣхъ, кого хотѣла бы примирить, и своей откровенностью порой заходила слишкомъ далеко. Ея большая заслуга въ томъ, что она, какъ „депутатъ отъ Россіи“ вѣрно изображала свое отечество и соотечественниковъ въ Лондонѣ—чѣмъ заслужила глубокое уваженіе къ своему слову. Ея смѣлость сопровождалась всегда честностью и неподкупной искренностью.

Почему-то, по какому-то недоразумѣнію русская дипломатія вошла въ поговорку своимъ лукавствомъ. А Ольга Алексѣевна,—неофициальный русский дипломатъ, была съ самаго начала внѣ всякихъ подозрѣній въ двоедушіи. Она говорила съ необыкновенной откровенностью, нападая на предрасудки нашихъ важныхъ фарисеевъ, играя скорѣе роль *enfant terrible*, чѣмъ хитраго, расчетливаго московскаго дипломата. Все она дѣлала съ такимъ веселымъ расположеніемъ духа, съ такими прекрасными намѣреніями, что критика обезоруживалась и привлекались даже тѣ, кого она отталкивала. Она была воплощеніемъ Россіи въ Клариджъ-Отелѣ.

Крестница Императора, невѣстка посла, сестра воиновъ, г-жа Новикова по рожденію и воспитанію своему была вполне способна передать англичанамъ идеи правящихъ классовъ Россіи. Но заслуга ея гораздо больше въ умѣнью передать духъ народа и его идеалы. Она была другомъ Аксакова скорѣе, чѣмъ представителемъ Горчакова. Она была славянофилка, вѣрная ихъ лозунгу: Православіе, самодержавіе и народность. Врагъ турокъ и австрійцевъ по характеру, по воспитанію и по религіи. Но книга ея „Россія и Англія“, надѣлавшая такъ много шуму въ Европѣ своей пылкой защитой Россіи, къ удивленію всего читающаго міра, подверглась преслѣдованію русской цензуры. Тамъ появилась цѣлая глава о „Земскомъ соборѣ“, о которомъ печатно говорить запрещалось строго.

Въ Лондонѣ Ольга Алексѣевна настаивала на разницѣ между официальной Россіей и неофициальной, Россіей Москвы и Россіей Петербурга. Въ Россіи она также убѣжденно утверждала, что есть двѣ Англіи: Англія Гладстона и Англія Би-

консфильда. Между Россіей Петербурга и Англіей Биконсфильда существовала вражда и антипатія; между Англіей Гладстона и Россіей Москвы взаимное пониманіе и взаимная симпатія. И г-жа Новикова обладала талантомъ пользоваться самыми лучшими чувствами, проявляемыми въ обѣихъ странахъ. Бываютъ времена, когда народъ, или преобладающее большинство, повидимому, сумасшествуетъ. Въ Англии, говоритъ Стэдъ, мы пережили двѣ такія эпохи. Первая—когда мы поддержали турка противъ стремящихся къ свободѣ славянъ, вторая—когда мы были вовлечены въ войну съ бурами. Европа страдала 30 лѣтъ оттого, что Россію не допустили къ приведенію въ дѣйствіе Санъ-Стефанскаго договора.

Г-жа Новикова не только проповѣдывала, она прекрасно объясняла, она могла не убѣдить и, конечно, во многихъ случаяхъ не убѣждала всей англійской публики соглашаться съ ея образомъ мыслей, но ей всегда удавалось передать русскую точку зрѣнія; въ ея объясненіяхъ Россія намъ стала понятна, и это большая польза.

Достаточно либеральная, чтобы понять точку зрѣнія западныхъ конституціоналистовъ, она сама тѣмъ не менѣе была достаточно консервативна, чтобы раздѣлять мнѣнія „Московскихъ Вѣдомостей“. Тѣ, кто сожалеютъ о ея симпатіи къ Каткову и Грингмуту, говоритъ Стэдъ, должны понять, что безъ этого національнаго чувства она не могла бы служить пояснителемъ между двумя странами. Знакомить западный міръ съ Россіей—задача, отъ которой самые смѣлые люди отказались бы. Г-жа Новикова исполнила ее безъ усилій, оставаясь вѣрной самой себѣ. Она была истинно-русская до мовга костей въ своемъ идеализмѣ, въ своемъ рыцарскомъ самоотверженіи. Страстная патріотка, истинно православная, способная на необычайную дѣятельность, Ольга Алексѣевна олицетворяла собой свѣтлый, лучшій типъ русскаго народа.

Увлекаясь первымъ періодомъ художественнаго творчества Толстого, она перевела по-англійски „Чѣмъ люди живы“. За то послѣдующую дѣятельность Толстого-философа и политика она прямо ненавидѣла. Какъ и всѣ русскіе официальные люди, Ольга Алексѣевна недостаточно обращала вниманія на общественное мнѣніе, считая его невѣжественнымъ хамелеономъ. Въ этомъ она ошибалась. Есть вещи, которыя надо знать и даже изучать внимательно, чтобы успѣшно избѣгать ихъ вражескую силу. Какъ напримѣръ война.

„Говорятъ? что говорятъ? пусть говорятъ“, было всегдаш-

нимъ лозунгомъ русскаго правительства относительно враждебной критики иностранцевъ.

Стэдъ утверждаетъ, что ему стоило неимоверныхъ усилій, чтобъ получить официальное опроверженіе самыхъ ужасныхъ пасквилей, отъ русскаго посольства или отъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Изъ писемъ Гладстона видно, съ какимъ нетерпѣливымъ раздраженіемъ онъ говорилъ о летаргическомъ равнодушіи официального міра къ клеветѣ, которую онъ могъ бы легко опровергнуть. Живя въ Англій, г-жа Новикова понимала глупость оставлять всякую ложь безъ обличенія. Она усердно изыскивала противоядіе систематической лжи, распространяемой въ печати врагами Россіи. Лучшей услуги нельзя оказать человѣчеству вообще и Англій въ частности, какъ напоминаніемъ, что 140 милліоновъ жителей Россійской Имперіи такіе же смертные, какъ и великобританцы.

Г-жа Новикова никогда не ограничивалась апологетикой. Съ перваго дня своего пріѣзда въ Лондонъ она смѣло заявила себя москвичкой. Въ то время были (таковыя же есть и теперь) квази-русскіе, которые въ иностранныхъ столицахъ какъ бы стыдились имѣть какое-либо отношеніе къ Россіи. Русскіе по происхожденію, они, тѣмъ не менѣе, тщательно избѣгали всего чисто-русскаго.

Г-жа Новикова дѣйствовала обратно. Она гордилась быть русской, православной славянофилкой.

Въ г-жѣ Новиковой воплотились лучшія черты русской женщины въ ея самоотверженности и преданности своей родинѣ. Сознавая, что защита никогда не бываетъ такъ дѣйствительна, какъ сильное наступленіе, она обыкновенно нападала на непріятельскій лагерь.

Тактика ея оказывалась основательной. И подлинно всякое осужденіе, направленное противъ Россіи, могло быть вызвано и противъ Англій. Когда англійскіе критики придирались къ расширенію Россіи, г-жа Новикова доказывала географической картой несообразность такихъ упрековъ.

Много еще есть фарисеевъ на нашихъ островахъ, говоритъ Стэдъ, но живущіе въ Флитъ-Стритъ (кварталь въ Лондонѣ журналистовъ и редакцій газетъ) не такъ часто видятъ спицу въ глазу сосѣда, съ тѣхъ поръ какъ г-жа Новикова такъ на смѣшливо указала имъ на бревно въ глазу Джонъ-Буля.

Если со всѣмъ своимъ остроуміемъ Ольга Алексѣевна должна была иногда допускать, что соотечественники ея не святые, она не упускала случая указать на грѣхъ осуждаю-

щихъ. Не достижимъ союзъ святыхъ, надо мириться на союзъ грѣшниковъ. Все же союзъ лучше раздора. На основаніи общности человѣческихъ интересовъ, на общности тяжелыхъ испытаній и затрудненій, г-жа Новикова основывала свое горячее желаніе соглашенія („Entente cordiale“) между двумя Имперіями, Россіей и Великобританіей. Не скрывала она опасности для Англіи въ постоянной враждѣ къ Россіи. Она не грозила, а предупреждала. Апостолъ говоритъ: „Знаю страхъ закона, потому убѣждаю людей“. Въ томъ же духѣ г-жа Новикова старалась убѣждать англичанъ, что они могутъ съ большимъ довѣріемъ стать лицомъ къ лицу къ будущей опасности, если воздержатся отъ брани и оскорбленій государства, раздѣляющаго съ ними большую часть владѣній въ Азіи.

Все это измѣнилось теперь. Безуміе вражды противъ Россіи признано всѣми отъ мала до велика; но когда начала свою проповѣдь г-жа Новикова, это признаніе считалось ересью. Россія считалась естественнымъ нашимъ врагомъ „*Russia delenda est*“, былъ возгласъ нашихъ Катоновъ. И не въ этомъ только находили параллель между Россіей и Карфагеномъ, пуническая вѣрность сравнивалась съ московскимъ вѣроломствомъ. Сѣверный колоссъ представлялся препятствіемъ, грозящимъ свободѣ и цивилизаціи міра. Легенда о завѣщаніи Петра Великаго относительно завоеванія Индіи Россіей — нѣтъ, нѣтъ да и всплыветъ по-старому.

Все, что основательно говорится теперь о Германіи, о ея жестокой политикѣ, говорилось тогда о Россіи. Германцы въ лучшемъ положеніи, они никогда не сражались съ англичанами, но когда г-жа Новикова начала писать, въ 1876 году, прошло всего двадцать лѣтъ послѣ Крымской войны. Ея первый лучший другъ въ Англіи (Кинглекъ) еще кончалъ исторію этой войны. Преданіе было свѣжо въ памяти всѣхъ.

Г-жа Новикова никогда не присваивала своему единственному умѣнію перемѣну въ мнѣніи англичанъ. Особенное и единственное требованіе г-жи Новиковой отъ благодарныхъ націй: это признаніе, что она съ большимъ постоянствомъ, съ великой настойчивостью и очевидностью, чѣмъ кто-либо другой, поддерживала въ обѣихъ странахъ дѣло англо-русскаго соглашенія. Тѣмъ не менѣе я считаю справедливымъ, говорить Стэдъ, присвоить ей право на званіе настоящей героини великаго, международнаго единенія, выдающимся факторомъ по своему вліянію между всѣми, содѣйствовавшими замѣнѣ вражды дружбой.

Общественное настроеніе въ Англіи, передаваемое большинствомъ прессы и выражаемое правительствомъ, постоянно опровергалось Ольгой Алексѣвной и въ каждомъ случаѣ вердиктъ исторіи былъ на ея сторонѣ. Когда, въ первомъ кризисѣ, велъ кампанію Гладстонъ съ половиною населенія, она была его лучшей союзницей. Во второмъ кризисѣ, о Пенджабской границѣ, г-жа Новикова боролась одна. За миръ она боролась въ 1885 году противъ Гладстона такъ, какъ въ 1876 году она боролась, съ его помощью, противъ Биконсфильда. Въ третьемъ кризисѣ при Доджеръ банкъ, сэръ Генри Кампбель Баннерманъ потерялъ голову, но г-жа Новикова была тверда; дѣйствія ея въ этихъ 3-хъ случаяхъ были полезны даже англичанамъ съ ихъ патріотической точки зрѣнія. Лучше страстныхъ выразителей національной гордости, она угадала и заявила, что лучшая политика для Англіи — соглашеніе съ Россіей; этотъ фактъ теперь единодушно признанъ и восторженно одобренъ всей націей. Англія открыла глаза, чтобы видѣть истину, о которой Ольга Алексѣвна говорила тридцать лѣтъ тому назадъ.

Для Россіи никто изъ заграничныхъ политиковъ не сдѣлалъ столько, въ наше время, и не будетъ помянутъ съ такою благодарностью будущими поколѣніями. Защищать характеръ и оправдывать политику государства въ самомъ лагерѣ его непримиримыхъ враговъ рѣдко приходится мужчинѣ, и никогда не случалось, чтобы за это взялась женщина. Но Ольга Алексѣвна взяла это на себя и, никогда высокій долгъ не исполнялся болѣе блестяще, добросовѣстнѣе и совершеннѣе.

Е. С. М.

Редакція Русской Старины заканчиваетъ печатаніемъ „Воспоминанія и переписку Ольги Алексѣвны Новиковой“, рожденной Кирѣвой, въ то самое время, когда англійскіе броненосцы бомбардируютъ, вмѣстѣ съ крейсеромъ Аскольдомъ, Дарданеллы, и англійская пѣхота сметаетъ турецкія полчища съ Галипольскаго полуострова. Англо-русскій союзъ осуществленъ самымъ нагляднымъ образомъ и высокочтимой, энергичной, возсоздательницѣ этого союза, О. А. Новиковой, теперь остается только повторить извѣстное римское сказаніе: *Feci quod potui meliore faciant potentes.*—Сдѣлала, что могла, пусть другіе, болѣе сильные, сдѣлаютъ наилучшее. *Ред.*